

4. Варламов А.Н. Рождение // Роман-газета. – 1997. – № 15. – С. 1-30.
5. Зеньковский В.В. Психология детства. – Екатеринбург: Деловая книга, 1995. – 348 с.
6. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1993-1998. – Т. 6, кн. 2. – 672 с.
7. Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. – М.: Прогресс-плеяда, 2002. – 384 с.
8. Старостин А.С. Стрела летящая // Москва. – 2007. – № 5. – С. 8-48.

КАТЕГОРИЯ ИМЕНИ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

© Кулько Е.С.[♦]

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

В статье Е.С. Кулько «Категория имени в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» рассматривается проблема взаимосвязи категорий имени и судьбы. Основываясь на сопоставлении теории имени о. Павла Флоренского и теория М.А. Булгакова, косвенно выраженной в романе «Белая гвардия», автор приходит к выводу о том, что ономастика становится в романе одним из важнейших способов выражения психологизма. Имя в романе Булгакова предопределяет судьбу героев, в какой-то мере влияет на ход событий.

Проведенный сравнительный анализ позволяет говорить о сходстве двух теорий, что обусловлено одним временным периодом разработки данных теорий и сходными философскими и религиозными взглядами авторов.

В художественном произведении категория имени является важным компонентом характеристики персонажей с точки зрения психологизма. На существенное значение имени для человека указывает А.Ф. Лосев, утверждая, что в имени присутствует так называемая софийная сущность, которая «есть личность» [4, С. 354]. В понятийной системе человека имя занимает одно из главенствующих мест. Исследуя проблему имени и влияния его на человека, религиозный философ Сергей Булгаков приходит к следующему выводу: «Имя есть идея человека. У имени есть свое определенное значение. Имя выражает собой духовный тип, строение человека» [3, С. 241]. Таким образом, имя становится символом, несущим в себе заряд определенной информации, который может влиять на его обладателя. О влиянии имени на личность говорит и Павел Флоренский:

[♦] Кафедра Литературы, издательского дела и литературного творчества

«... имя не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты в его судьбу» [5, С. 54].

Однако следует разделять такие понятия, как «имя человека» и «имя литературного героя». Имя литературного героя задается преднамеренно, когда автор уже знает (пусть в общих чертах) характер своего персонажа. Разграничивая данные понятия, Л.В. Белая пишет следующее: «Литературная ономастика (resp. антропонимика), будучи формой существования общезыковой ономастики, субъективно обусловлена целями и задачами, вытекающими из авторского замысла, и в силу этого обладает признаками артефакта. Литературный антропоним выражает идею, лежащую в основе авторского замысла, тогда как общезыковой антропоним выступает как социальный знак» [1, С. 103].

Большой вклад в осмысление проблемы имени внес религиозный философ о. Павел Флоренский. Над своим трудом «Имена» Флоренский работал примерно в то же время, в которое создавал свой первый роман М.А. Булгаков. На общность их философских взглядов указывают некоторые исследователи (В.В. Компанец, М.Ю. Белкин).

В своей работе Павел Флоренский утверждал, что роль имени в художественном произведении велика, и определять ее нужно исходя из идеи всего произведения: «Нет сомнения: в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» [5, С. 46].

Мы попытаемся сопоставить две теории толкования имен. Первая – теория Павла Флоренского, изложенная в его работе «Имена». Вторая – теория Михаила Булгакова, косвенно выраженная в романе «Белая гвардия».

Список имен, представленный в романе «Белая гвардия», шире анализируемого Павлом Флоренским. Исходя из этого, нам приходится ограничить сопоставление именами, совпадающими в данных трудах.

Алексей – имя одного из основных персонажей романа. Вот как характеризует человека, носящего такое имя, Флоренский: «Алексей – по натуре своей импрессионист, и мгновенное *impression* овладевает им всецело, чтобы далее столько же всецело быть отвергнутым. «...» Алексей остается сравнительно тихим и неактивным во внешнем мире. Но он тонок и в ином смысле – не крепок, собою мало владеет, себя в руках не держит...» [5, С. 183]. Действительно, эту черту характера мы можем выделить и у Алексея Турбина: «Турбин вытащил из кармана скомканный лист и, не помня себя, два раза ткнул им мальчишке в физиономию, приговаривая со скрипом зубовым: – Вот тебе вести. Вот тебе. Вот тебе вести. Сволочь! На этом припадок его бешенства и прошел» [2, Т. I, С. 251]. Алексей Турбин оказывается вспыльчивым человеком, но данная черта проявляется лишь в те моменты, когда затрагивается вопрос чести. Так,

старший Турбин очень эмоционален в эпизодах, связанных с Тальбергом: «У него на лице заиграли различные краски. Так – общий тон шафранный, у скул розовато, а глаза из голубых превратились в черные. – С каким бы удовольствием... – процедил он сквозь зубы, – я б ему по морде съездил...» [2, Т. I, С. 420]. Повышенную эмоциональность мы можем наблюдать в рассуждениях Турбина на политические темы: «Я б вашего гетмана, – кричал старший Турбин, – за устройство этой миленькой Украины повесил бы первым!» [2, Т. I, С. 208]. Таким образом, мы можем говорить, что именно через его рассуждения дается оценка тех или иных событий с позиции нравственности.

За именем «Алексей» закрепились представление о юродстве. Эту особенность рассматривает и Павел Флоренский: «В нем есть что-то онтологически болезненное: неприспособленность к самостоятельному существованию в мире – неприспособленность внутренняя и, легко может быть, хотя не необходимо, – внешняя. Предельно – она есть, как сказано, юродивость. Алексей, в своем предельно высшем раскрытии, есть юродивый, или около того; и даже тогда, когда, на поверхностный взгляд, данное лицо не имеет ничего общего с юродивостью, внимательный анализ все же откроет в таком Алексее некие пробелы сознания или рыхлость сознания, сквозь которые сочатся непосредственные движения подсознательного, то есть основную конституцию юродивости. Галлюцинации и вещие сны приходят к нему, так как он – юродивый, т.е. от бога» [5, С. 181]. Данная мысль очень важна для психологического анализа характера Алексея Турбина. Именно ему автор посылает вещий сон, в котором заключаются философские измышления Булгакова о равенстве всех «на поле брани убиенных» [2, Т. I, С. 236]. Таким образом, имя обуславливает характер героя.

Следующий персонаж – Николка Турбин. Обратимся к характеристике данного имени в работе Павла Флоренского: «У Николая редко бывают сомнения, что хорошо и что плохо. Антиномии внутренней жизни далеки от него, как и вообще его мало занимает углубляться в области, где трудно дать, или во всяком случае трудно ожидать четких и деловитых решений. Без сомнений и колебаний, Николай прямолинейно и нарочито честен, нарочито прям, волит иметь горячую честность и честную горячность» [5, С. 265]. Эти черты в Николке смешиваются с юношеским темпераментом и приносят свои плоды: «Он боялся испугаться и все время проверял себя: «Не страшно?» – «Нет, не страшно» – отвечал бодрый голос в голове, и Николка от гордости, что он, оказывается, храбрый, еще больше бледнел. Гордость переходила в мысль о том, что если его, Николку, убьют, то хоронить будут с музыкой» [2, Т. I, С. 309]. В данном эпизоде наглядно показано, как сильно в Николке тщеславие военного. Но это не то тщеславие, которое граничит с глупостью и приносит только

гибель. Николка не трус, понятие чести в нем развито с той же силой, с какой развито оно и в старшем Турбине: «Николка припал к холодному дереву кобуры, трогал пальцами хищный маузеров нос и чуть не заплакал от волнения. Захотелось драться, сейчас же, сию минуту, там, за Постом, на снежных полях. Ведь стыдно! неловко... Здесь водка и тепло, а там мрак, буран, вьюга, замерзают юнкера» [2, Т. I, С. 208]. Таким образом, мы можем говорить о соединении в характере Николки таких черт, как самолюбие и порядочность, что в конечном итоге приведет к его гибели: «... пропел Николка и вошел. В руках у него была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками. Елена мгновенно подумала, что он умрет...» [2, Т. I, С. 427]. Вновь мы наблюдаем, как имя предопределяет судьбу.

Еще один центральный персонаж – Елена Турбина. Характеризуя это имя, Флоренский отмечает женственное начало, доминирующее в нем: «Елена – вечная женскость. Отсутствие в поведении и мыслях твердого начала норм, преобладание эмоций, не протекающих в строго определенном русле, разрозненность и прихотливость душевной жизни – вот эти черты» [5, С. 251]. В романе «Белая гвардия» Елена Турбина олицетворяет истинную женственность. Впечатление усиливается благодаря постоянному эпитету, подаренному автором Елене, – «золотая». Елена – хранительница очага, уюта, который так ценят и герои, и автор. Преобладание в Елене чувства над разумом определяют ее близость к метафизическому началу. Так, именно ей в момент молитвы являются Богородица и Христос, у которых ей удастся вымолить жизнь старшего брата: «Вот помолилась ... условие поставила ... ну, что ж ... не сердись ... не сердись, Матерь Божия», – подумала суеверная Елена» [2, Т. I, С. 420]. Рыжий цвет волос и связь с потусторонним миром придают Елене некоторое сходство с ведьмой.

Еще одно значимое действующее лицо в романе – Василий Лисович. Его нельзя назвать однозначно отрицательным персонажем. Если в начале писатель относится к нему с явной иронией, то ближе к концу романа иронический тон уходит: «Черт его знает, Василиса какой-то симпатичный стал после того, как у него деньги поперли, – подумал Николка...» [2, Т. I, С. 419].

Характеризуя данное имя, Павел Флоренский подчеркивает его значительность и даже величественность: «Имя Василий этимологически означает *царский, царственный*» [5, С. 194]. Но искажение имени в Василису, отказ от имени есть отказ от судьбы, которую это имя в себе несет. Взяв другое имя, Лисович отказался от царского образа. Появляется что-то фарсовое, пародийное в былой царственности. Переход мужского имени в его женский вариант несет за собою изменение, смягчение характера. Таким образом, благодаря смене имени идет изменение судьбы героя. Чер-

ты, приписываемые Василию Павлом Флоренским, присутствуют и в образе Василия Лисовича, однако в своем негативном варианте.

Важную роль для понимания произведения в целом играет образ Михаила Шполянского. Для лучшего осмысления психологического портрета необходимо рассмотреть черты его характера, выраженные через имя. Павел Флоренский отмечает высоко развитое духовное начало в этом имени: «Михаил самой этимологией своей указывает на высшую меру духовности, на особливую близость к Вечному: оно значит «Кто как Бог», или «Тот, Кто как Бог». Оно означает, следовательно, наивысшую ступень богоподобия. Это – имя молниевой быстроты и непреодолимой мощи, имя энергии Божией в ее осуществлении, в ее посланничестве. Это – мгновенный и ничем не преодолимый огонь, кому – спасение, а кому – гибель» [5, С. 368]. Действительно, Михаил Шполянский наделен какой-то нездешней энергией, силой обаяния, коварством. Булгаков называет его демоном: «Он молод. Но мерзости в нем как в тысячелетнем дьяволе. Жен он склоняет на разврат, юношей на порок...» [2, Т. I, С. 414]. Важно, что Михаил Семенович Шполянский в романе играет роль предтечи Антихриста. Эту мысль подтверждает Флоренский: «Небесное – не значит непременно хорошее, как и земное – не значит плохое» [5, С. 369]. Следовательно, мы можем говорить, что имя Михаил в понятийной системе Булгакова несет в себе заряд потусторонней энергии, демонического начала.

Данное сопоставление позволяет сделать вывод, что описание имен как типов личности Павла Флоренского во многом совпадает с описанием характеров персонажей, носящих то или иное имя в романе Михаила Булгакова, что указывает на близость мировоззрений двух авторов.

Список литературы:

1. Белая Л. В. Лексико-семантические и функциональные особенности антропонимики М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита») / Л.В. Белая // Филологические науки. – 1990. – № 5. – С. 79-93.
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1: Записки юного врача. Белая гвардия. Рассказы. Записки на манжетах / М.А. Булгаков; Редкол.: А. Караганов, В. Лакшин и др. – М.: Художественная литература, 1989. – 623 с.
3. Булгаков С.Н. Первообраз и образ: Сочинения в 2-х т. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. – М., СПб.: Искусство, ИНА-ПРЕСС, 1999. – 438 с.
4. Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
5. Флоренский П. Имена / П. Флоренский. – М.: Эксмо, 2007.